

Автобіографія

Автор:

Тарас Шевченко

Автобіографія

Тарас Григорьевич Шевченко

Т. Г. Шевченко (1814–1861) – великий український поет, талантливий прозаїк і драматург, видаючийся художник, в произведениях которого нашла отражение целая эпоха нашей истории. В книгу включена «Автобіографія» Т. Г. Шевченко, а также повесть «Прогулка с удовольствием и не без морали», навеянная путешествием автора по Киевской губернии.

Тарас Григорович Шевченко

Автобіографія

1814–1861

Тарас Шевченко

Прогулка с удовольствием и не без морали

Часть первая

Посвящаю Сергею Тимофеевичу Аксакову в знак глубокого уважения

I

Вздумалось мне в прошлом году встретить нашу прекрасную украинскую весну где-нибудь подальше от города. Хотя и в таком городе, как садами укрытый наш златоглавый Киев, она не теряет своей прелести, но все же – город, а мне захотелось уединенного тихого уголка. Эта поэтическая мысль пришла мне в голову в начале или в половине апреля, не помню хорошенько. Помню только, что это случилось в самый развал нашей знаменитой малороссийской грязи. Можно бы и подождать немного – весной грязь быстро сохнет. Но уж если что мне раз пришло в голову, хотя бы самое несбыточное, так хоть роди, а подавай. На этом пункте я имею большое сходство с моими неподатливыми земляками. Писатели наши и вообще люди приличные чувство это называют силою воли; а его просто можно назвать воловьим упрямством. Оно живописнее и выразительнее.

Долго я перебирал в памяти своей моих добрых приятелей, укрывшихся в тени уединения, т. е. посвятивших себя совершенному бездействию. После тщательной переборки я остановился на одном отставном гусаре, называвшем меня своим родичем, чему я совершенно не противоречил. Лежал он или, как бы выразиться иначе, прозябал он в самом живописном уединенном уголке Киевской губернии, верстах в трех от местечка Лысянки. На него-то и пал мой выбор.

На тройке добрых почтовых лошадей я с Трохимом и с чемоданом поутру рано выехал из Киева. До первой станции – Виты, мы добрались без особых приключений и Виту оставили благополучно. Только как раз против самого Белокняжего поля, не доезжая каплицы, или часовни, у левой пристяжной лопнули постромки. Мы думали было на паре кое-как дотащить до Василькова. Не тут-то было. Грязь по ступицы, и наша пара ни с места. К счастью нашему, мужик вез лозы для изгороди, мы у него, не без труда, правда, выпросили пару лозин и устроили себе кое-как постромку.

В Василькове мы закусили с Трохимом фаршированной жидовской щукой, крепко приправленной перцем, и потянулись дальше. Пошел мелкий тихий дождик, потом крупнее и крупнее, наконец полил как из ведра; можно бы было заехать в корчму в Мытныци (село) и переждать дождь, но я как сказал себе, чтобы нигде не останавливаться до Белой Церкви, так и сделал. В Белую Церковь приехали мы уже ночью. Посоветовавшись с Трохимом, решились мы ночевать на почтовой станции, и, я вам скажу, мы хорошо сделали, что так придумали умно: а иначе мне, может быть, никогда не пришлось бы писать этой «Прогулки», а вам читать ее, мои терпеливые читатели, потому что узел описываемого мною происшествия завязался именно в эту достопамятную ночь. Только не на почтовой станции, как это большею частью случается, а... но зачем забегать вперед?

Решившись ночевать на станции, я спросил у смотрителя, есть ли у них комната для проезжающих.

– Есть две, – отвечал он, – только обе заняты. Какая-то барыня, должно быть, с [молодою] дочерью заняли обе комнаты.

«Барыня с молодою дочерью?» – подумал я.

Эх, как досадно, что я не гусар или хоть просто [не] военный, я бы знал, как тут распорядиться: просто по праву проезжающего по казенной надобности (военные не ездят на почтовых по своей надобности) закупорил бы мать с дочерью в одну комнату, а в другой сам расположился и на досуге занялся бы обсервациею в замочную скважину. Вот вам и начало романа, чисто в гусарском вкусе. Я было, признаться, и того... да нет, не хватило духу; сказано: кому не написано на роду быть военным человеком, так тот хоть в аршин запусти усы, а все останется штафиркой.

До местечка оставалось еще с добрую версту, а до жидовского трактира, где мы предположили провести ночь, по крайней мере версты две, но делать было нечего, и мы потащились ночью под проливным дождем отыскивать жидовский трактир. Трохим, не совсем довольный моим решением, начал было что-то возражать, но я махнул рукою, и мы пустились в дорогу. Через час времени мы благополучно достигли желаемой цели.

Пользуясь сим удобным случаем, я мог бы описать вам белоцерковский жидовский трактир со всеми его грязными подробностями, но фламандская живопись мне не далась, а здесь она необходима. Замечу мимоходом: во-первых, меня никто не вышел встретить, как то бывает в русских трактирах, но этому могла быть причиною темная ненастная ночь, – причина важная для самого храброго жидовина; во-вторых, по скользким ступеням вскарабкивался я кое-как в темный коридор и наткнулся на что-то железное, так ловко наткнулся, что чуть себе лба не раскроил. Поутру я же увидел, что это были дроги с рессорами из-под какого-то экипажа. Таково было мое вшествие в иудейскую гостеприимную обитель. В комнате уже меня встретил жид, довольно благовидной наружности, и помог мне стащить с плеч насквозь промокшую непромокаемую шинель и униженно спросил, что мне будет угодно?

– Чаю и комнату, – отвечал я.

Жид сказал:

– Зараз, – и скрылся за дверью.

В ожидании жидовского «зараз» я грелся и разминался, ходя взад и вперед по комнате. Комната была что-то вроде лавки, с шкафами около стен и стеклянным ящиком вдоль комнаты вроде застойки. Перед ящиком я остановился и между галантерейными безделушками, как бы вы думали, что я увидел? Книгу в желтой обертке. А я только хотел было сказать Трохиму, чтобы достал книгу из чемодана, а тут она сама в руки лезет, и Трохима тревожить не нужно. Беру со стола свечу и читаю заглавие, кажется, славянскими буквами: «Украинская поэзия» Н. Падурь. «Поди-ко, голубчик, сюда, я тебя давно не видал». Ящик, однако ж, был заперт. Я позвал хозяина, но вместо хозяина явился какой-то жидок с рыжей бородкой. Я просил его достать мне из ящика книгу, но он рекомендовался мне, что он фактор, а не хозяин лавки. Я велел ему позвать хозяина. Явился хозяин, тот самый благовидный жид, что помогал мне снимать непромокаемую шинель. Я просил его достать книгу. Он достал и, подавая ее мне, сказал:

– Десять злотых.

– А если только прочитать, – спросил я, принимая книгу, – что будет стоить?

– Пять золотых, – сказал жид, побрякивая ключами.

Делать нечего, я отдал пять золотых и спросил нож, чтобы разрезать дорогую книгу, но это было напрасно: книга была разрезана и даже запачкана. Кроме сальных пятен я заметил на полях листов то прямые черты, крепко проведенные где ногтем, а где и карандашом, то знак восклицательный, то знак вопросительный, то черт знает что. «Ай, ай! – подумал я. – Да ты побывала уже в руках у нашего брата критика».

Портить карандашом или ногтем чужую книгу непростительно, но тут все-таки есть хоть какая-нибудь мысль, что я, дескать, читал такую книгу и нашел в ней это хорошо, а это дурно, хотя это подобного читателя совсем не извиняет в порче чужой собственности. Чем же извинить господ, портящих стекла на почтовых станциях своим драгоценным алмазом, выводя на стекле свой замысловатый вензель, как на каком-нибудь важном документе, четко и выразительно? Чем извинить этих господ? Для чего они это делают? Какая тут мысль? А какая-нибудь да кроется же в этих замысловатых вензелях и росчерках? Неужели только та, что такой-то и такой проезжал здесь с алмазным перстнем? Только, и ничего больше. Какое мелкое, ничтожное тщеславие! А говорят и даже пишут, будто бы знаменитый лорд Байрон изобразил где-то в Греции на скале свою прославленную фамилию. Неужели и этот крупный человек не чужд был сего мелкого, ничтожного тщеславия?

Странно, между прочим. Это мелкое тщеславие заставляет меня (да, может быть, и не одного меня) смотреть, разумеется, от нечего делать, на эти исцарапанные стекла и прочитывать давно знакомую книгу, исчерченную карандашом и ногтем. Так и теперь со мной случилось. Поэзия Падуры мне известна и переизвестна, а я заплатил за нее пять золотых, так, из одной прихоти, как говорится, чтобы себя потешить; а между тем, когда увидел каракули на полях, начал читать, как бы никогда не читанную книгу.

Над песней под названием «Запорожская песня» было весьма четко написано: «Скальковский врет». Что бы значила эта весьма нецеремонная заметка? Я прочитал песню. Песня начинается так: «Гей, козаче, в имя Бога». Какое же тут отношение к ученому автору «Истории нового коша»? Не понимаю. Ба! вспомнил. Эту самую песенку ученый исследователь запорожского житья-бытья вкладывает в уста запорожским лыцарям. Честь и слава ученому мужу! Как он глубоко изучил изображаемый им предмет. Удивительно! А может быть, он хотел просто подсмеяться над нашим братом хохлом и больше ничего, – бог его знает,

только эта волыно-польская песня столько же похожа на песню днепровских лыцарей, сколько похож я на китайского богдыхана.

- А что же чай и комната? - спросил я, закрывая книгу.

- Зараз, - сказал торчащий в углу рыжебородый жидок. И он вышел в другую комнату.

«Ах вы, проклятые жидаы! Я уже целую книгу прочитал, а они и не думали готовить чаю!»

Через минуту жидок возвратился и снова притаился в углу.

- Что же чай? - спросил я.

- Зараз закипит, - отвечал жидок.

- Чего же ты тут переминаешься с ноги на ногу? - спросил я у услужливого жидка.

- Я фактор. Может быть, пан чего потребует, то я все зараз для пана доставить могу, - прибавил он, лукаво улыбаясь.

- Хорошо! - сказал я. - Так ты говоришь, что все, чего я пожелаю?

- Достану все, - отвечал он не запинаясь.

«Какую же мне задать ему задачу, так что-нибудь вроде пана Твардовского?» - спросил я сам себя и, подумавши, сказал ему.

- Ты знаешь английский портер под названием «Браунстут Берклей Перкенс и компания»?

- Знаю, - отвечал жидок.

- Достань мне одну бутылку, - сказал я самодовольно.

– Зараз, – сказал жидок и исчез за дверью.

«Ну, – подумал я, – пускай поищет. Теперь этого вражеского продукта и в самой столице не достанешь, не только в Белой Церкви». – Не успел я так подумать, как является мой жидок с бутылкой настоящего «Браунстута». Я посмотрел ярлык на бутылке и только плечами двинул, но виду не показал, что это меня чрезвычайно удивило. Жидок поставил бутылку на стол и как ни в чем не бывало стал себе по-прежнему в углу и только пот с лица утирает полою своего засаленного пальто.

Чудотворцы же эти проклятые факторы!

– Скажи ты мне истину, – сказал я, обращаясь к фактору, – каким родом очутился английский портер в вашей Белой Церкви?

– Через наш город, – отвечал жидок, – возят из Севастополя пленных аглицких лордов – так мы и держим для них портер.

– Дело, – сказал я, – значит, ящик просто отпирался.

– Не прикажете ли еще чего-нибудь достать вам на ночь? – спросил фактор.

– Подожди, братец, подумаю, – сказал я. «Какой бы ему еще крючок загнуть, да такой, чтобы проклятый жид зубами не разогнул?» – подумал я, и, подумавши хорошенько, вот какой загнул я ему крючок, истинно во вкусе Твардовского. – Вот что, любезный чудотворец, – сказал я, обращаясь к мизерному Меркурию. – Если уж ты достал мне портеру... Пстой, у вас есть в городе книжная лавка?

– Книжной лавки нет в городе, – отвечал он.

– Хорошо, так достань же мне новую, неразрезанную книгу, и тогда я поверю, что ты все можешь достать.

– Зараз, – сказал невозмутимо рыжий Меркурий, повернулся и вышел.

– Эй, хозяин! Что же чаю? – сказал я громче обыкновенного, обращаясь к растворенной двери.

– Зараз, – откликнулся из третьей комнаты жидовский женский голос.

– А чтобы вам своего мессии ждать и не дождать так, как я не дождусь вашего чаю!

Не успел я проговорить эту гневную фразу, как в дверях показалась кудрявая черноволосая прехорошенькая жидовочка, но такая грязная, что смотреть было невозможно.

– Где же чай? – спросил я у запачканной Гебы.

– У нас чаю нет, а не угодно ли...

– Как нет! Где хозяин? – прервал я запачканную Гебу.

– Хозяин пошли спать, – отвечала она робко.

– Если чаю нет, так что же у вас есть? – спросил [я] ее с досадой.

– Фаршированная щука и...

– И больше ничего, – прервал я ее.

А меня прервал вошедший в комнату фактор с двумя новенькими книгами в руках. Я изумился, но сейчас же пришел в себя и велел подать щуку и потом уже обратился к фактору, равнодушно взял у него книги. Смотрю, – книги действительно новые, неразрезанные. Я хотя и привык, как человек благовоспитанный, скрывать внутренние движения, но тут не утерпел, ахнул и назвал жидка настоящим слугою пана Твардовского. Жидок улыбнулся, а я на обертке прочитал: «Морской сборник» 1855 года, № 1. Я еще раз удивился и, обратясь к фактору, сказал:

– Скажи же ты мне, ради самого Моисея, какую ты силою творишь подобные чудеса? И расскажи, как и от кого достал ты эти книги?

– О!.. Эти книги дорого стоят, если рассказать вам их историю, – сказал жидок и провел по голове пальцами, как бы поправляя ермолку.

– Сослужи же мне последнюю службу, – сказал я ласково своему рыжему Меркурию, – расскажи ты мне историю этих дорогих книг.

Жидок замялся и почесал за ухом. Я посулил ему золотый на пиво, это его ободрило, он вежливо попросил позволения сесть и, почесавши еще раз за ухом, рассказал мне такую драму, что если бы не его жидовская декламация, то я непременно бы расплакался. Содержание драмы очень просто и так обыкновенно, что поневоле делается грустно. Происшествие такого рода.

Из Севастополя в Смоленскую губернию ехал какой-то флотский офицер, бог его знает, раненый ли или просто больной, с двумя малютками детьми и с женой. Дело было зимой или в конце зимы; дорога так его, бедного, измучила, что он принужден был остановиться в Белой Церкви на несколько дней – отдохнуть. Болезнь усилилась и положила его в постель. Что им оставалось делать? Сидеть в жидовской грязной и дорогой хате и дожидаться какого-нибудь конца. Началась распутица, все вздорожало. Своих денег не было, расходовались прогоны. И прогоны израсходовались, а больной не вставал. Какой-то проезжий медик навестил его и только покачал головой, и ничего больше. Рецепт не для чего было писать, потому что в местечке какая аптека? На другой день после визита медика больной умер, оставив свою вдову и детей, что называется, без копейки. Что оставалось ей, бедной, делать в таком горьком положении? Она написала письмо родственникам мужа в Смоленскую губернию, а в ожидании ответа начала продавать за бесценок мужнин гардероб и иные бедные крохи, чтобы удовлетворить самую крайнюю необходимость. Услужливый за деньги жид, если узнает, что у вас наличных – и в виду не имеется, то он вам и воды не даст напиться, а о хлебе и говорить нечего. А впрочем, русский человек сделает то же, с тою только разницею, что побожится и перекрестится, что у него все было и все вышло; а денежному гостю подаст все, что бы тот ни просил, и принесет все требуемое перед вашим же носом. При слове «деньги» редкий из нас – не жид. Бедная вдова продавала все, даже необходимое, если оно имело хотя какую-нибудь цену в глазах покупателя жида. Книги, которые мне принес всеведущий фактор, были взяты у нее и, вероятно, за бесценок. В хозяйстве

вдовы они были только лишней тяжестью, да и покойник, как видно, не высоко ценил печатную мудрость: он книги даже не разрезал. Ну, да как бы то ни было, только я был изумлен и обрадован таким беспримерным явлением.

- Что же ты заплатил за книги? - спросил я фактора, разрезывая первый номер.

- Два карбованца - меньше не отдает, - отвечал он запинаясь.

«Врешь, сребролюбец Иуда», - подумал я, а уличить его нечем.

- Хорошо, - говорю я ему, - деньги я отошлю с моим мальчиком завтра, ты только покажешь ему квартиру.

- Я уже деньги заплатил, она в долг не поверила, - сказал он, обтирая рукой свою грязную шляпу.

- Жаль, я больше полтинника тебе не дам за книги.

- Зачем же вы испортили книгу? - сказал он почти дерзко.

- Чем же я ее испортил? - спросил я.

- Всю ножом изрезали, теперь она не возьмет книги назад. За мое жито мене и быто, - проговорил он едва внятно и замолчал.

- Утро вечера мудренее, - сказал я ему. - Ложись спать, а завтра рассчитаемся. - Он поклонился и вышел.

По уходе фактора я разбудил Трохима, который спал себе сном невинности около чемодана во всем своем промокшем облачении. Велел я ему полуразоблачиться и, войдя в другую комнату сказал довольно громко, почти крикнул:

- А что же шука?

– Зараз, – слышался прежний женский голос, и через минуту явилась та же самая курчавая запачканная жидовочка.

– Что шука? – повторил я.

– Уже готова, только на стол поставить, – проговорила жидовочка.

– Ставь же ее на стол скорее, да не забудь и водку поставить.

Жидовочка ушла и вскоре опять явилась со шукою и с осьмиугольным штофом с какой-то буро-красноватой водкой.

Я принялся за шуку и, несмотря что она крепко была приправлена перцем и гвоздикой, с таким аппетитом убирал ее, что если бы Трохим провозился с своим разоблачением еще хоть минуту, то застал бы одну голову да хвост; но он поторопился и захватил еще порядочную долю шуки. После шуки спросил я у запачканной Гебы, нет ли еще чего-нибудь заглушить перец и гвоздику. Она отвечала, что ничего они больше сегодня не варили. Я велел подать графин воды, стакан и расположился на скрипучей, вроде дивана, деревянной скамейке, а Трохим, окончивши шуку, помолился Богу и тоже расположился на каком-то войлоке у печки, на полу. Тишина водворилась в жидовской обители. Снявши со свечи, я начал перелистывать «Морской сборник» № 1-й.

III

Перелистывая машинально книгу, я начал было дремать и поднял уже руку за щипцами, чтобы погасить свечу и заснуть, а случилось не так. Я нечаянно взглянул на реестр увечных, выздоровевших, но неспособных продолжать службу нижних чинов; я стал читать, и что же я прочитал? Прочитал я то, чего не прочитывал ни в одной печатной книге, а я их таки немало прочитал.

Дело вот в чем. В присутствии комитета раненых были спрошены эти увечные бедняки, какую кто из них пожелает себе награду за верную службу престолу и отечеству. Бедняки сначала отказались от всякой награды, только чтобы их отпустили на родину. Комитет настаивал, чтобы они, кроме этого, требовали

себе всякий, что ему нужно. Иные попросили денежной награды, другие – чтобы освободить детей их из кантонистов. А последний из них, молодой матрос, со слезами на глазах просил, чтобы освободили сестру его родную от крепостного звания. Великодушная просьба этого простого человека меня поразила, я дальше не мог читать, закрыл книгу и погасил свечу.

Мне, однако ж, не спалось. Матрос расшевелил мое воображение и отогнал услужливого Морфея. Простое и самое естественное дело простого человека рисовалось в моей душе яркими, лучезарными красками. Должно быть, я сильно обнищал сердцем, когда меня так поразило это, по-видимому, обыкновенное явление? Неужели вместе с цивилизацией так плотно к нам прививается эгоизм, что мы, т. е. я, едва верим в подобное бескорыстие? Должно быть, так. А по-настоящему не должно быть так; образование должно богатить, а не окрадывать сердце человеческое. Но, к несчастью, это теория. Подобное ни к чему не ведущее рассуждение не давало мне заснуть, и чем глубже я входил в эти рассуждения, тем возвышеннее, благороднее казался мне поступок увечного бедняка матроса. Он отдал все сестре, а себе ничего не оставил, кроме суммы и костыля. Как хотите, а подвиг не совсем обыкновенный. «Что, если бы, – подумал я, – удалось мне этот простой сюжет облачить в форму героической поэмы или... Но нет, никакая другая форма поэзии, кроме поэмы, нейдет этому сюжету. Поэма или ничего». И я начал сочинять поэму.

Во дни минувшие, во дни невинности моей, как говорит поэт, и я втихомолку кропал стишонки, да и кто из нас их не кропал? Следовательно, мне это рукоделье было несколько знакомо. Оставалось придумать ход действий и обстановку; а место действия – страшный четвертый бастион в Севастополе, еще страшнее лазарет там же и, в заключение, укрытое цветущими вишневыми садами малороссийское село, и среди улицы этого очаровательного села встречается свободная сестра своего великодушного калеку брата. Канва готова – осталось подобрать тени, и за работу. Я уже начал было и тени раскладывать, не теряя из виду общего эффекта. Слушаю, в комнате будто что-то шепчет. Не бредит ли Трохим во сне после жидовской шуки? Прислушиваюсь, действительно Трохим, только не бредит, а наяву про себя шепчет:

– А... хочется пить, а не хочется встать.

Минуту спустя он еще раз повторил громче свое желание, а через минуту он проговорил его почти вслух:

– Трохиме, – сказал я громко. Трохим молчит. – Трохиме! – повторил я тем же тоном.

– Чого? – отозвался он как бы спросонья.

– Подай мне графин с водою.

Он глубоко и продолжительно вздохнул, лениво поднялся с постели, отыскал впотьмах графин и подал мне.

– Напейся сам, – сказал я ему, – а я не хочу пить.

Трохим напился, поставил графин на место и проговорил:

– Покорно вам благодарю.

– То-то ж, дурню, – сказал я ему вместо наставления, но он едва ли это наставление слышал, потому что спал.

Оригинал порядочный этот Трохим. Я опишу его когда-нибудь в другом, более приличном месте, а теперь буду продолжать собственное похождение.

Я принялся было опять за прерванную нить своей поэмы, но Морфей-приятель задернул занавес, и едва зримая и великолепная декорация скрылась от моих очей. На другой день очень нерано мы оставили Белую Церковь. Это потому, что я заснул уже на рассвете; сначала матрос не давал мне покою, а потом жидовские блохи. Дорога была по-вчерашнему скверная, если не хуже: от продолжительного дождя густая грязь превратилась в настоящую квашу, как выразился недовольный Трохим. Дорога, впрочем, меня мало беспокоила, я ее почти не замечал. Меня, если можно так выразиться, поглотила моя поэма; я все устанавливал подробности действия и так увлекся этими подробностями, что начал уже стихи импровизировать. Импровизация моя была прервана не самым обыкновенным происшествием. Кони наши остановились перед берлином или дормезом, по самый кузов зарезавшимся в грязь. Четыре пары добрых волов едва-едва двигали его вперед, а почтовая четверка, вся в мыле, отдыхала по ту сторону плотины. «Не вчерашняя ли это барыня с дочерью с таким комфортом путешествует?» – спросил я сам себя и нечаянно взглянул на Трохима. У него

была такая кислая, недовольная рожа, что я расхохотался. Он как будто бы не замечал моего хохота и оттого делался еще смешнее.

– О чем это вы так задумались, Трохим Сидорович? – наконец спросил я его шутя. Трохим мой вздохнул, поворотился лицом к дормезу и проворчал что-то похожее на брань.

– Не «Отче наш» ли вы читаете? – спросил я его, едва удерживаясь от смеху.

– «Отче наш», – проговорил он сквозь зубы.

– За чью ж это душу? – спросил я его смеясь.

– За чертову, – отвечал он тем же тоном и, оборотясь ко мне, сказал: – Правду сказал жид, у которого мы ночевали, что вы не похожи не только на пана, не походите даже на простого шляхтича голопуз... – Последнего слова он не договорил и опять отвернулся от меня.

Так вот где причина, почему благообразный жид вчера и сегодня не ухаживал за мною, как это обыкновенно делают они, особенно содержатели заезжих домов и так называемых уездных трактиров; а я уже думал, что бы значило, что хозяин так равнодушно принял меня, так равнодушно, что не почел нужным попотчевать даже чаем, а вот он где секрет. Интересно бы знать, за кого он меня принял?

– За кого же он меня принял? Не говорил тебе жид? – спросил я у Трохима.

– Так, говорит, ни то ни се, и еще прибавил какое-то слово по-своему. Я не понял, а верно, что-нибудь скверное, потому что, сказавши это слово, он плюнул:

– Ах он проклятый жид! Еще и плюнул! Ну а ты как думаешь, Трохиме, похож ли я на пана, хотя сбоку? – спросил я его шутя.

– Ни сбоку, ни спереду, – отвечал он не задумавшись и, отворотясь от меня, продолжал вполголоса: – Не только пан, порядочный мужик в такую погоду собаки из хаты не выгонит, а он поехал в гости – очень нужное дело! Да еще хочет, чтобы его паном жида величали. Небось, жида знают, как кого назвать.

Последнее слово он проговорил шепотом. Я внутренне смеялся досаде озлобленного Трохима. В это время сзади нас послышался почтовый колокольчик. Я оглянулся: в полверсте за нами тащилась по грязи тройка, такая же, как и наша.

– Слава тебе Господи! – вскрикнул протяжно Трохим и перекрестился.

– А что? – спросил я его.

– Выехали из грязи, – сказал он весело.

Дормез, действительно, стоял уже по ступицы в грязи, а волы, совершивши свой подвиг, попарно вылезали из болота на более сухое место. Вдали слышимый колокольчик запел уже у меня за плечами. Я снова оглянулся и, кроме тройки и ямщика, увидел стоящую в телеге фигуру в черной бурке и в каком-то мудреном картузе. Через минуту тройка, телега и стоящая в ней фигура очутились у самых окон дормеза. Фигура на минуту наклонилась к окну, как бы спрашивая о здоровье закупоренных в подвижной светлице красавиц. Потом фигура в бурке и картузе приподнялась и хриплым голосом стала кричать на ямщиков, чтобы подавали скорее лошадей. Я занялся фигурой, Трохим не знаю чем занимался, ямщик накладывал табаку в свою носогрейку, а кони, опустив морды в самую лужу, о чем-то призадумались.

– Что же ты не трогаешь? – сказал я ямщику.

– А я думал, – сказал ямщик, не вынимая трубки изо рта, – что мы за ними и поедем до самой станции.

– Ах ты, хохол! Как ты скверно думал. Трогай-ка лошадей проворнее! – сказал я. И мы оставили фигуру в бурке и дормез. Когда мы проезжали около дормеза, я заглянул в окно, и передо мной мелькнула необыкновенно прекрасная женская головка, повитая чем-то черным. У меня как будто бы молотком ударило в сердце, и я уже до самой станции ничего не видел, кроме очаровательной головки.

– Самовар есть? – спросил я у станционного смотрителя, вылезая из телеги.

– Есть, – отвечал он.

– А коли есть, так прикажите его нагреть. – И, обращаясь к Трохиму, прибавил: – Делать нечего, Трохиме, чемодан нужно развязать, а то мы пропадем без чаю.

– А разве жидовский вам не понравился? – проговорил он иронически, вынимая чемодан из телеги.

Правду сказать, так чай был только предлогом, а настоящим делом-то была волшебница, закупоренная в подвижном тереме. Мне ужасно хотелось еще хоть мельком взглянуть на эту дивную головку. Казалось, что я рассчитал недурно. Они непременно войдут в комнату, пока им лошадей перепрягут, и я... все случиться может, буду иметь счастье предложить ей стакан чаю. В дороге что за церемония! Пока я так предполагал, самовар кипел уже на столе, и Трохим вытирал черный глиняный чайник и зеленоватые кабачные стаканы. Ну как же я в таком стакане предложу ей чаю? Срам и... еще что-то я хотел подумать, как растворилась дверь и в комнате явилась фигура в бурке и в мудреном картузе. Не снимая картуза, фигура хриплым басом спросила стоявшего пред ней зрителя:

– Есть ли лошади?

– Есть, – отвечал почтительно зритель.

– Мне нужен осмерик, – проговорила фигура.

– И осмерик будет, – отвечал зритель тем же тоном.

Фигура бросила подорожную на стол и, заметя третье лицо, т. е. меня, приподняла картуз и кивнула головой. Я отвечал тем же, только немного скромнее, и предложил фигуре стакан чаю с дороги. Фигура не отказалась, пожалела только, что даже в Киеве нельзя достать порядочного араку. Я не противоречил, и разговор наш тем кончился. Фигура, не допивши стакан чаю, скрылась за дверь. Так как этот субъект играет или будет играть не последнюю роль в нашем повествовании, то не мешает его очертить с некоторыми подробностями.

«Отставной ротмистр гвардии, помещик Курнатовский» – так гласила подорожная, которую я прочитал не без любопытства.

О подробностях фигуры господина гвардии отставного ротмистра не могу сказать ничего положительно, потому что она скрывалась под буркой. А лицо? Лицо довольно обыкновенное, особенного ничего не выражает, такие лица можно встретить на конной ярмарке в Бердичеве или в Полтаве, между ремонтерами. Нос большой, довольно аляповатый и довольно красный, глаза тоже красные, навывате. Губы толстые, особенно нижняя, усы искрасна-черные, большие, о волосах на голове тоже ничего положительно не могу сказать, потому что он не снимал своей затейливой фуражки. Вот вам и вся недолга. Если всмотреться в него попристальнее, так, может быть, нашлись бы какие-нибудь особенности. Но я не успел попристальнее всмотреться и подробнейшее окончание портрета оставляю до следующего сеанса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shevchenko_taras/avtobiograf-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)